

Данута Будняк

Свентокшиская Академия им. Яна Кохановского

ul. Leśna 16, 25-369 Kielce, Polska

Тел.: (48-41) 344 48 56, (48-41) 332 21 74

E-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

В статье рассматриваются важнейшие характеристики этноса, непосредственно связанные с существованием его общего самосознания. История самосознания этноса реконструируется на основе изучения письменных свидетельств древних авторов. По мнению автора статьи, язык, которым пользовались славяне, восстанавливается лингвистикой по данным письменных памятников, как собственно славянских, так и инокультурных. Комплексное исследование проблемы этногенеза славян находится на стыках нескольких наук – этнолингвистики, психологической антропологии (этнопсихологии), социологии. Оно входит в сферу так называемой лингвистической аксиологии, обращенной к изучению системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре. Автор статьи обращает внимание на следующий круг проблем: язык и этнос, язык и культура, язык и народный менталитет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноязыковые общности, этногенетические вопросы, важнейшие характеристики этноса, этнические и культурные традиции, среда обитания, мироощущение, мирозерцание, мировидение, культурная принадлежность этноса.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что проблема происхождения славян должна решаться на основе комплексного подхода, то есть общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Однако совместное решение этногенетических вопросов возможно лишь при том условии, что выводы каждой отрасли науки основываются на собственных материалах, а не навязаны данными смежных наук¹. В силу того, что история, лингвистика, археология и т. п. обладают собственным объектом и методами, перед каждой из названных наук стоят вполне определенные специфические задачи.

Говоря об этногенезе славян, нужно учитывать, что языковеды считают праславянскими этноязыковые общности, пользовавшиеся сис-

темой праславянской речи. В то же время археологи под праславянами понимают носителей археологических культур (этнокультурных групп) – предшественников древностей раннеисторических славян. Ясно, что такие представления отражают различные стороны этногенеза и могут значительно не совпадать между собой. Тем не менее, корректное пользование ими позволяет полнее представить общую картину исследуемого явления.

Как принято считать, «комплекс, составленный общей культурой, самостоятельным языком и самосознанием, оказывается ... в подавляющем большинстве случаев специфичным для любого народа»².

Славянский культурно-бытовой набор реконструируется, прежде всего, на основании археологических данных, а в какой-то степени

¹ СЕДОВ, В. В. *Происхождение и ранняя история славян*. Москва, 1979, с. 17.

² АЛЕКСЕЕВ, В. Б. *Этногенез*. Москва, 1986, с. 33.

привлекаются также этнографические и исторические материалы. Язык, которым пользовались древние славяне, восстанавливается лингвистикой на основе письменных памятников, как собственно славянских, так и иноязычных. Наконец, становление общего самосознания, которое относится к числу *важнейших характеристик этноса*, может быть прослежено на основе изучения свидетельств древних авторов, зафиксированных в письменных источниках.

Как известно, в письменном источнике готов (VI в.) содержится утверждение о том, что все племена и группировки славян, известные в период его создания под именами *склавинов, антов и венетов*, «происходит из одного корня» и в древности назывались одним общим именем «венеть» (Иордан)³. Исходя из этого утверждения, многие слависты обычно привлекают в качестве основного источника по древней истории славян сведения, которые сообщают о неких *венедях / венетах* три автора I–II вв. – Плиний Старший, Тацит и Птолемей (считалось, что все они относятся примерно к одному и тому же периоду). Однако внимательный анализ источников даёт более сложную картину, на что обратил внимание Д. А. Мачинский⁴. Так, из текста Иордана следует, что, говоря о «едином корне» *венетов, антов и склавинов*, автор имел в виду вовсе не венетов, упомянутых историками I–II вв., а тех венетов, с которыми воевал в IV в. король готов Германарих, – это событие восходит к готской фольклорной традиции⁵ и является древнейшим, достаточно достоверным, письменно зафиксированным фактом славянской истории.

Говоря кратко о комплексном исследовании проблем этногенеза славян, укажем, что здесь одной из задач является задача квалифицированно противостоять попыткам (порой не очень квалифицированным) рассматривать сла-

вянский (праславянский) мир почти исключительно как мишень для культурных и языковых влияний. Проблема этногенеза славян связана с вопросом о праславянской «картине мира», фиксирующей результат познания мира и ценностные установки этноса. Формирование картины мира невозможно без языка. Картина мира в общественном и социальном сознании формируется и фиксируется с помощью языка, ибо язык – орудие познания мира, с помощью которого фиксируются результаты этого познания. Язык – главный материал для определения того, как отражается картина мира в сознании языковой личности.

В силу сказанного становится очевидным, что лингвистика при изучении этногенеза славян может видеть свою задачу в реконструкции зафиксированной в языке древних славян картины мира. Реконструкции древней славянской духовной культуры, её системы и инвентаря существенна и сама по себе для расширения наших исторических познаний, направленных вглубь веков, и как система отсчёта, как «исходная модель» при изучении истории славянской духовной культуры. К примеру, когда В. Пропп⁶ решал вопрос о происхождении отдельных фольклорных жанров, в частности волшебной сказки, он указывал на обрядовые корни этого жанра, но считал, что изучение обрядов, и их происхождения – дело не фольклориста, а этнографа. Как бы то ни было, но без установления исходной основы, пусть даже гипотетической и достаточно абстрактной, трудно систематизировать и организовать материал, демонстрирующий историю и раннее развитие славянской духовной культуры. Сегодня мы можем говорить о лингвистической аксиологии, которая, находясь на стыках нескольких наук – этнолингвистики, психологической антропологии (этнопсихологии), социологии – обраче-

³ *Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.)*. Москва, с. 472.

⁴ МАЧИНСКИЙ, Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках. In *АСГЭ*, 1976, Вып. 17, с. 82–100.

⁵ *Свод...*, сноска 3, с. 28, 117–119.

⁶ ПРОПП, В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград, 1946, с. 14.

на к изучению системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре.

Имея своей целью реконструкцию системы ценностей как одной из составляющих **этнических и культурных традиций**, лингвистическая аксиология по своей проблематике теснейшим образом соприкасается с этнолингвистикой, исследующей проблемы **языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета**. Изучение системы ценностей этноса, как глубинных, личностных, так и идеологизированных, общественных, даёт возможность выявить своеобразие в его **мировидении, мироощущении, мирозерцании**.

В связи с этим особенно большое значение приобретает изучение психологии восприятия среды, поскольку «восприятие и осознание человека и мира оказывается производным от культурно-исторического бытия человека»⁷. Описание и анализ языковой модели, репрезентирующей это восприятие, даёт возможность «погрузиться» в мир ценностей того или иного народа. Существенная тесная эмоционально-когнитивная связь этноса с природой, со средой его обитания открывает широкие перспективы в изучении этнического мировидения через взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов.

Как показали исследования социальных географов, одними из первых, обративших внимание на связь психологии восприятия среды с культурной принадлежностью этноса, «поверхность земли видится каждой личностью исключительно через призму своей культуры»⁸. Поэтому в каждом языке предстаёт своя «субъективная реальность» как результат процесса объективизации идей, образов, реалей в их этнокультурном своеобразии.

Думается, что на вопрос, «кто такие славяне», точный ответ знали, наверное, только

сами славяне. Самоидентификация, необходимая для того, чтобы констатировать существование особого этноса, акцентировала – аналогично тому, что известно об этом у других этносов, – их взаимную родственную связь между собой как ‘своих’, людей ‘своего рода’, одной ‘свободы’. И так было задолго до формирования макроразноименного классического вида – *славяне, slovene*, который лишь закодировал предшествующую тысячелетнюю историю их самоидентификации, будучи этимологически обозначением ‘понятно говорящих’ (**slova*, **sluti*), то есть тоже – ‘своих’⁹. Данные этимологического характера трудно переоценить – представления древних славян о себе очень важны для исследователя, хотя априори ясно, что они были достаточно наивными. Наука знает сегодня несравненно больше, но ей порой не хватает этих крупиц знания древних славян о себе. Эти крупинки даются современной науке не без труда, иногда весьма сложного и кропотливого, что говорит о непреодолимой ценности наивного знания (франц. *naïf* ‘наивный’ – от лат. *nativus* ‘природный’). Г. Ломнянский склоняется к тому, что вплоть до эпохи переселения народов (V в. н. э.) славяне не знали ни храмов, ни изображений богов, первоначально – только культовые места под открытым небом. Вообще, политеизация (введение многобожия) у славян – акт вторичный, обязанный своим появлением конфронтации с христианством, как, например, в Полабье, позднее – в Польше¹⁰.

Долголетний опыт исследований приводит к убеждению, что надо стремиться преодолевать одноаспектность темы и, наоборот, всячески развивать то, что можно назвать полигональностью исследования, то есть действовать примерно так, как советовал создатель «науки о хорошей работе» – праксиологии – польский академик Тадеуш Котарбинский: не взирать на

⁷ ПЕТРЕНКО, В. Ф. *Психосемантика сознания*. Москва, 1988, с. 14.

⁸ LOWENTHAL D. Geography experience and imagination: toward a geographical epistemology. In *Annals of The Association of American Geographers*, 1961.

⁹ ŁOMNIAŃSKI H. *Religia Słowian i jej upadek (w. VI–XII)*. Warszawa, 1979.

¹⁰ ŁOMNIAŃSKI, сноска 9, с. 166–229.

предмет всё время из одного и того же окна, а вглядываться в него каждый раз из нового...

Этимология всегда стремится к реконструкции того „jak słowo się czyta w sobie samem?”¹¹, как сказал поэт.

Итак, комплексное исследование этногенеза славян предполагает опору на данные многих наук, здесь с неизбежностью встает вопрос о

проявлениях «человеческого духа» в языке, обычаях, обрядах, мифах, т. е., иными словами, анализ процессов восприятия, познания, мышления и эмоционального отношения человека к миру. Мы можем говорить о том, что проблема этногенеза славян является предметом такой комплексной отрасли науки, как психологическая антропология.

Danuta Budniak

Holy Cross Academy n. a. Jan Kochanovski

CERTAIN CONCLUSIONS MADE BY COMPLEX ANALYSIS OF SLAV ETHNO GENESIS

Summary

The present paper considers the language, which the ancient Slavs used to speak. Consciousness in common is subjected to the analysis because it is related with one of the most important

characteristics of the ethnos. The results gained from the complex analysis of Slav ethno genesis are the evidence of some ancient authors to be found in written sources.

The paper focuses on the following problems: language and ethnos, language and culture, language and mentality.

KEY WORDS: ethnos, ethno lingual community, ethno genesis, social environment, world emotional attitude, world outlook, cultural attribute of ethnos.

Gauta 2004 01 05

Priimta publikuoti 2004 02 11

¹¹ Имеются в виду стихи польского поэта Циприана Норвида, которые А. БРЮКНЕР избрал в качестве эпиграфа к «Этимологическому словарю польского языка».